

Константин Александрович КОСОРУКОВ

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация

kakosorukov@mid.ru

КРИЗИС МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В КОНТЕКСТЕ «ЮРИДИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ»: НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРОВ И НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРОЦЕДУРЫ ПРИ ИХ НАЗНАЧЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА ПО «КЕРЧЕНСКОМУ ИНЦИДЕНТУ»)

ВВЕДЕНИЕ. Система международного правосудия сталкивается с новым вызовом. В борьбе за международную легитимность государства все чаще обращаются к органам разрешения межгосударственных споров как инструменту внешней политики. В ряде случаев это приобретает характер «юридической войны» – злоупотребления механизмами разрешения международных споров в политических целях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье уделено особое значение принципу независимости и беспристрастности органов международного правосудия – международных судов, арбитражей, квазисудебных инстанций. Рассмотрение спора независимым и беспристрастным составом судей (арбитров) является одним из ключевых условий согласия государства на такое рассмотрение,

что в свою очередь представляет собой непреложное требование для изначального возникновения полномочия рассматривать этот спор. От выполнения этого условия напрямую зависит легитимность самого суда или арбитража, а также действительность вынесенных им решений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное автором научное исследование позволяет рассмотреть вопросы существования, содержания и соблюдения принципа независимости и беспристрастности арбитров, выполнения связанных с этим правил процедуры и оснований для признания арбитражного решения недействительным на примере межгосударственного арбитража *ad hoc*, учрежденного на основе Приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Наций

(далее – ООН) по морскому праву 1982 года для разрешения спора между Российской Федерацией и Украиной по так называемому Керченскому инциденту.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Путем изучения соответствующих правовых доктрин и анализа материалов дела выявлены несколько конкретных проблем, связанных с процедурой назначения арбитров, имеющих как локальное значение для арбитражей в рамках Приложения VII, так и более широкое, глобальное значение для ситуации в международном правосудии. Предложены конкретные варианты преодоления этих проблем в целях предупреждения политизации международных арбитражей, сохранения их беспристрастности и равноудаленности, что является незаменимым компонентом реализации принципа мирного урегулирования международных споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип независимости и беспристрастности, международное право-

судие, «юридическая война», легитимность, арбитраж, арбитр, назначение арбитров, предвзятость, отвод арбитра, Конвенция ООН по морскому праву, Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, правила процедуры, юрисдикция, недействительность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Косоруков К.А. 2026. Кризис механизмов разрешения международных споров в контексте «юридической войны»: недействительность арбитражного решения вследствие предвзятости арбитров и нарушения правил процедуры при их назначении (на примере российско-украинского межгосударственного арбитража по «керченскому инциденту»). – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 203–226. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226>

Konstantin A. KOSORUKOV

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskaya-Sennaya Sq., Moscow, Russian Federation, 119200
kakosorukov@mid.ru

Research article
UDC: 341
Received 21 February 2026
Approved 23 June 2026

CRISIS OF INTERNATIONAL DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF “LAWFARE”: RENDERING AN ARBITRAL DECISION NULL AND VOID AS A CONSEQUENCE OF ARBITRATOR BIAS AND BREACH OF RULES OF PROCEDURE REGULATING APPOINTMENT OF ARBITRATORS,

BY EXAMPLE OF THE “KERCH INCIDENT” INTER-STATE ARBITRATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE

INTRODUCTION. *The system of international justice faces a new challenge. In the struggle for international legitimacy States are increasingly turning to international dispute settlement bodies as an instrument of foreign policy. In a few cases it takes the form of “lawfare” – the abuse of international dispute settlement mechanisms for political purposes.*

MATERIALS AND METHODS. *The article highlights maintaining the independence and impartiality of international justice bodies – international courts, arbitrations, and quasi-judicial bodies – are of particular importance. Consideration of a dispute by an independent and impartial panel of judges (arbitrators) is one of the key conditions for the State’s consent to such consideration, which in turn is an indispensable requirement for the initial emergence of the authority to consider this dispute. The legitimacy of the court or arbitration tribunal itself, as well as the validity of its decisions directly depends on the fulfillment of this condition.*

RESEARCH RESULTS. *Author’s research spots the existence, content and observance of the principle of independence and impartiality of arbitrators, the execution of relative rules of procedure and the grounds for invalidating an arbitration award using the example of interstate ad hoc arbitration established on the basis of Annex VII to the 1982 UN Convention on the Law of the Sea to resolve a dispute between the Russian Federation and Ukraine related to the so-called “Kerch incident”.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Through examination of the relevant legal doctrines and*

analysis of the case materials, several specific problems of the procedure for the appointment of arbitrators have been identified, having both local significance for Annex VII arbitrations and broader, global significance for the situation in international justice. Options for overcoming these problems are proposed to prevent the politicization of international arbitrations, maintain their impartiality and equidistance, which is an indispensable component of the implementation of the principle of the peaceful settlement of international disputes

KEYWORDS: *inter-state arbitration, principle of independence and impartiality, international justice, “lawfare”, legitimacy, ad hoc, arbitrator, bias, challenge to arbitrator, International Tribunal for the Law of the Sea, rules of procedure, jurisdiction, null and void*

FOR CITATION: Kosorukov K.A. Crisis of International Dispute Resolution Mechanisms in the Context of “Lawfare”: Rendering an Arbitral Decision Null and Void as a Consequence of Arbitrator Bias and Breach of Rules of Procedure Regulating Appointment of Arbitrators, by Example of the “Kerch Incident” Inter-State Arbitration between the Russian Federation and Ukraine. – *Moscow Journal of International Law*. 2026. No. 2. P. 203–226. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Механизмы разрешения международных споров перед вызовом «юридической войны»

Мирное разрешение международных споров – важнейшая предпосылка, условие и гарантия мирного сосуществования и дружественного сотрудничества государств; свободный выбор средств мирного

разрешения споров, включая международный арбитраж, служит делу укрепления международного правопорядка. В Гаагской конвенции о мирном решении международных столкновений 1907 г. провозглашалось, что «в вопросах юридического свойства и преимущественно в вопросах толкования или применения международных договоров третейский суд признается договаривающимися Державами самым действенным

и вместе с тем самым справедливым средством решения споров, не улаженных дипломатическим путем» (ст. 38)¹.

В то же время из общепризнанного принципа международного права о суверенном равенстве государств проистекает неоспоримое и безусловное требование согласия государства на разрешение споров с другими государствами² [Вылегжанин, Зинченко 2018:11-12], в том числе путем арбитража – это затвержено в решениях Постоянной палаты международного правосудия³ [Вылегжанин 2016:272, 279, 287], и Международного Суда ООН⁴, которые, являясь вспомогательными средствами для определения правовых норм⁵ [Вылегжанин, Алферьева 2016:32], зачастую отражают нормы международного обычного права (широкий обзор соответствующих доктринальных источников, свидетельствующий о сложившемся в этом отношении консенсусе, приведен в работе А.Н. Вылегжанина, написанной в соавторстве с Р.А. Каламкаряном) [Вылегжанин,

Каламкарян 2012:23-26]. Такое согласие, оформляемое в виде арбитражного соглашения (*compromis d'arbitrage*)⁶, имеет необходимым условием порядок назначения арбитров⁷, именно назначение арбитров в особом порядке по соглашению сторон характерно для международной арбитражной процедуры, в отличие от судебной⁸. Отмечается, что наличие в арбитражном соглашении двусмысленностей и лакун рискует «подорвать все разбирательство»⁹.

К сожалению, международные механизмы разрешения споров все чаще становятся предметом злоупотреблений и политизации. Министр иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России) С.В. Лавров в обращении к II Международно-правовому форуму Содружества Независимых Государств 13 мая 2026 г. заявил: «В отношении государств, защищающих свой суверенитет, проводящих национально ориентированный внутри- и внешнеполитический курс, развернута полномасштабная „юридическая

¹ Гагская конвенция о мирном решении международных споров. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51535/ (дата обращения: 01.09.2025).

² "Consent is a fundamental principle of international dispute settlement, according to which no State may be party to a case before the Court unless it has given its agreement. Equal and sovereign, States cannot be brought before an international court or tribunal against their will; they are free to decide whether to settle a dispute and, if so, to choose judicial settlement, negotiation, mediation, conciliation, arbitration or any other peaceful means of resolution they consider appropriate." The International Court of Justice: 80 Years in the Service of Peace and Justice. ICJ/United Nations. 2026. P. 47.

³ Консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия от 23 июля 1923 г. по вопросу о статусе Восточной Карелии, п. 33. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_05/Statut_de_la_Carelie_orientale_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ См. напр.: Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Preliminary Objections. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2019. P. 577. Par. 33. P. 584. Par. 57; Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Preliminary Objections. – *I.C.J. Reports*. 1996. P. 615. Par. 30; Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France). Preliminary Objections. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2018. P. 307. Paras. 42, 46-47.

⁵ Ст. 38 Статута Международного Суда ООН.

⁶ Стоит отметить, что согласие на арбитраж может оформляться как в виде отдельного документа (*compromis*), так и быть частью международного договора (как в случае с соответствующими положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), именуясь тогда *compromissory clause* (т.е. буквально «положение о *compromis*»); данные термины применяются и к соглашениям о юрисдикции международных судебных органов, таких, как Международный Суд ООН. В некоторых случаях «компромиссорные» положения в основном тексте договора носят рамочный характер и дополняются либо специальными приложениями (как Приложения VII, VIII к Конвенции ООН по морскому праву), либо отдельным *compromis*, заключаемым между сторонами, где обычно прописываются более детальные правила, касающиеся назначения арбитров и иные существенные элементы процедуры.

⁷ Цит. по: Комментарий к проекту конвенции об арбитражном процессе, принятом Комиссией международного права ООН на ее пятой сессии. Документ ООН A/CN.4/92. С. 35. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_92.pdf (дата обращения: 01.09.2025). См. также: ст. 2 Образцовых правил арбитражного процесса, разработанных Комиссией международного права ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/10_1_1958.pdf; русский текст: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁸ "Arbitration, in general, is constituted by mutual consent of the States parties to a specific dispute where such parties retain considerable control over the process through the power of appointing arbitrators of their own choice." URL: <https://legal.un.org/cod/books/handbookonpsd.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ "Ambiguities cause conflict and delay and may often wreck the whole structure of settlement." (Feller)

война“»¹⁰. Главной целью «юридической войны» (lawfare), инициированной странами западного лагеря, является Россия – об этом свидетельствует множество претензий, выдвинутых против нашей страны в различных международных инстанциях¹¹. Не стал исключением и межгосударственный арбитраж.

Совсем недавно было оглашено финальное решение арбитража *ad hoc*¹² по российско-украинскому спору о правах прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе¹³. Данное дело, рассмотренное в полном соответствии с правилами процедуры, завершилось убедительной победой Российской Федерации¹⁴. Однако параллельно в межгосударственном арбитраже шло еще одно разбирательство между Россией и Украиной, путь которого оказался более тернистым.

21 августа 2025 г. Российская Федерация заявила о своем выходе из арбитражного процесса по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. о задержании в Черном море в ноябре 2018 г. трех украинских военных кораблей и их экипажей. В настоящей статье рассматриваются правовые основания, причины и последствия такого шага российской стороны.

Согласно заявлению МИД России, «причиной выхода стали грубые процедурные нарушения при проведении разбирательства и нелегитимный состав арбитражного трибунала»¹⁵. Действительно, как представляется, в ходе разбирательства были нарушены существенные положения правил процедуры арбитража, а также принцип независимости и беспристрастности международных арбитров. Как будет показано ниже, подобного рода серьезные нарушения являются основанием для признания решений арбитража недействительными.

Сейчас, спустя почти год, данный арбитраж до сих пор находится в состоянии стагнации. Последовательная отставка цепочки арбитров препятствует продолжению разбирательства. В сумме из арбитража по различным причинам выбыли уже шесть его членов. Однако даже если процесс будет продолжен, его результат уже предопределен: ввиду допущенных нарушений никакое решение не будет иметь юридической силы.

2. Фабула дела и начальные этапы разбирательства

Фабула дела. Так называемый Керченский инцидент произошел 24-25 ноября 2018 г., когда Погранслужбой Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России) были задержаны три украинских корабля (малые артиллерийские катера «Бердянск» и «Никополь», рейдовый буксир «Яни Капу») с их экипажами при попытке прорыва через Керченский пролив в Азовское море. 1 апреля 2019 г. Украина обжаловала действия российской стороны в рамках процедуры урегулирования споров Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Согласно ст. 287 Конвенции, государства-участники могут выбрать одну из нескольких процедур урегулирования споров, среди которых обращение в Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, арбитраж *ad hoc* в рамках Приложения VII к Конвенции, или специальный арбитраж в рамках Приложения VIII. Если государства не сделали совпадающего выбора, тогда задействуется арбитраж *ad hoc* по Приложению VII. Именно этот порядок является преобладающим среди участников Конвенции, включая Россию и Украину.

¹⁰ Видеообращение Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на II Международно-правовом форуме СНГ. Москва. 13 мая 2026 г. URL: https://mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlenkiye/2108168/ (дата обращения: 15.05.2026).

¹¹ См. материалы секции «Международное правосудие: реалии „юридической войны“» XIV Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ-2025). URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7740/>; URL: <https://tass.ru/politika/23983679> (дата обращения: 01.09.2025).

¹² Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/99649> (accessed date: 01.09.2025).

¹³ Dispute Concerning Coastal State Rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait (Ukraine v. the Russian Federation). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/149/> (accessed date: 01.09.2025).

¹⁴ См.: МИД России. Сообщение для СМИ от 15 июня 2026 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2118929 (дата обращения: 15.06.2026).

¹⁵ Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/ (дата обращения: 01.09.2025).

Рассмотрение Международным трибуналом по морскому праву (далее – МТМП) вопроса об обеспечительных мерах. Первым шагом в данном разбирательстве, оказавшем затем влияние на его дальнейшую судьбу, стало решение МТМП по ходатайству о временных мерах, поданному украинской стороной 16 апреля 2019 г. Согласно п. 5 ст. 290 Конвенции, до формирования специального арбитража *ad hoc* вопросы о назначении временных мер уполномочен решать МТМП. В мае 2019 г. большинством голосов (за исключением российского судьи Р.А. Колодкина¹⁶) трибунал поддержал украинское ходатайство¹⁷. Россия возражала против наличия у трибунала юрисдикции по данному делу¹⁸. В итоге украинские моряки были переданы на Украину в рамках обмена удерживаемыми лицами 7 сентября 2019 г.¹⁹; в ноябре того же года были возвращены и корабли.

Примечательно, что среди вынесших решение членов МТМП были исландец Томас Хейдар и танзаниец Джеймс Катека. Они голосовали против России, поддержав позицию большинства по принципиальным вопросам, имевшим значение и для рассмотрения дела по существу.

Формирование первого состава арбитража. Согласно ст. 3 Приложения VII, арбитраж состоит из пяти арбитров, двое из которых назначаются сторонами спора. Украина назначила британского юриста К. Гринвуда, бывшего судью Международного Суда ООН; Россия – профессора МГИМО и МГУ В.В. Голицына, бывшего судью МТМП. Оставшиеся три арбитра должны были назначаться по согласию сторон, а в случае

отсутствия такого согласия в течение двух месяцев со дня уведомления о возбуждении дела – по назначению Председателя МТМП (п. “d” и “e” ст. 3). Поскольку согласия с Украиной достичь не удалось, 8 июля 2019 г. эти три арбитра были назначены Председателем МТМП Пайк Чжин Хюном (Республика Корея). Ими стали профессор Дональд Макрей (Канада), судья Рудигер Вольфрум (ФРГ) и судья Гудмундур Эйрикссон (Исландия).

Первым делом арбитраж принял собственные правила процедуры²⁰, которые сыграют большую роль в дальнейших событиях. Затем, рассмотрев предварительные возражения российской стороны²¹, большинство арбитров пришло к выводу о наличии юрисдикции разрешить данный спор²². С аргументацией сторон можно подробно ознакомиться в опубликованных письменных материалах,²³ однако этот аспект разбирательства не является предметом настоящей статьи. Подчеркнем лишь, что российская сторона не согласилась с аргументацией решения и сохранила позицию об отсутствии у арбитража юрисдикции²⁴.

После решения о юрисдикции в составе арбитража начали происходить серьезные изменения. 26 марта 2023 г. ушел из жизни российский арбитр, юрист и дипломат В.В. Голицын²⁵. Российская сторона выдвинула в состав арбитража профессора МГИМО А.Н. Вылегжанина. А вскоре после этого Российская Федерация обратилась в арбитраж с заявлением об отводе (*recusal*) арбитров Д. Макрея и Р. Вольфрума в связи с нарушением ими принципа независимости и беспристрастности²⁶.

¹⁶ Dissenting Opinion of Judge Kolodkin. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_DissOp_Kolodkin.pdf (accessed date: 01.09.2025).

¹⁷ Case Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (Ukraine v. Russ.), Provisional Measures, Case No. 26 (May 25, 2019). URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Order_20190525.pdf (accessed date: 01.09.2025).

¹⁸ См. заявление МИД России от 16 апреля 2019 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1458560/; Меморандум Российской Федерации от 7 мая 2019 г. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Memorandum_RF.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁹ История обмена удерживаемых лиц между Россией и Украиной в 2019 году. – Редакция сайта ТАСС. 07.09.2019. URL: <https://tass.ru/info/6857363> (дата обращения: 01.09.2025).

²⁰ Pccases.com : [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/5785> (accessed date: 01.09.2025).

²¹ Pccases.com : [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/32146> (accessed date: 01.09.2025).

²² Pccases.com : [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/38096> (accessed date: 01.09.2025).

²³ Writingsubmissions (страница арбитражного разбирательства). – ППТС : [сайт]. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/229/> (accessed date: 01.09.2025).

²⁴ См.: сообщение МИД России от 25 мая 2019 г. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/skNNonkJE02Bw/content/id/3659504 (дата обращения: 01.09.2025).

²⁵ О кончине В.В. Голицына. URL: https://mid.ru/ru/activity/shots/vnutrivedomstvennye_novosti/nekrologi_pamyati_kolleg/1862122/ (дата обращения: 01.09.2025).

²⁶ См. текст заявления: Pccases.com : [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/53142> (accessed date: 01.09.2025).

3. Нарушение принципа независимости и беспристрастности арбитров

Существование стандарта независимости и беспристрастности международных судей и арбитров. Принцип независимости, беспристрастности и добросовестности международного судьи закреплен в ст. 2 и 20 Статута Международного Суда ООН и считается общепризнанным в международно-правовой доктрине [Khan 2019:480]. Как указывает Т.Н. Нешатаева, «[в] отличие от национальных судов, которые обладают длительной историей и традициями, пользуются доверием, международные суды находятся в сложной ситуации: они должны доказать свою независимость и беспристрастность <...>» [Нешатаева 2019:27]. Независимость и беспристрастность «являются отличительной чертой любого судебного механизма, внутреннего или международного, основанного на идее верховенства закона»; их цель – обеспечить «объективность и справедливость судопроизводства, гарантируя, что деятельность судей, как при разрешении конкретного спора, так и при содействии дальнейшему развитию права, определяется только самим законом, а не внешними, неправовыми факторами, будь то финансовые, политические, идеологические или личные» [Dunoff, Giorgetti, Hamamoto, Nottage, Ratner, Schill, Waibel 2019:1].

Согласно ст. 2 Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву, назначаемые для разрешения споров арбитры должны «пользоваться самой высокой репутацией справедливого, компетентного и честного человека». По сложившемуся мнению комментаторов, требование независимости и беспристрастности арбитров «является обязательным, от которого стороны не могут отступать» [Ameli 1999:90]. Данное требование «вытекает из основополагающего принципа естественного правосудия, признанного почти в каждой правовой системе, согласно которому нельзя быть судьей собственного дела (*nemo iudex in sua causa*), а также из знаменитого принципа, выведенного лордом Хьюартом, согласно которому «важно, чтобы правосудие не только совершалось, но чтобы его свершение было явно и несомненно видимым» [Papaannis 2016:33-52].

Долг беспристрастности «налагает на арбитра обязанность рассматривать дело, отстранившись от всех предубеждений и интересов, связанных с объектом судебного разбирательства, и при необходимости взять самоотвод» [Papaannis 2016:33-52].

В российской правовой науке вопрос независимости и беспристрастности арбитров рассматривался в основном в контексте международных коммерческих арбитражей, но в целом выражаются аналогичные взгляды [Киселева 2025:154-163; Илькевич 2019:151-159].

Данный устоявшийся принцип был отражен и в правилах назначения арбитров, принятых для российско-украинского арбитража по «Керченскому инциденту»²⁷. Согласно п. 4.7 правил, члены арбитражного трибунала «должны заявить, что являются и останутся беспристрастными и независимыми... [они] обязаны незамедлительно уведомлять Стороны и других арбитров о любых впоследствии возникающих обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения в их беспристрастности или независимости».

Среди критериев беспристрастности в доктрине называются «отсутствие эмоциональной привязанности к делу», «прямого личного интереса» и «твердых политических взглядов по нему», отсутствие «этнических, расовых и религиозных предубеждений», а также наличие способности рассмотреть дело «свежим взглядом», отсутствие предварительной вовлеченности в его рассмотрение в качестве юриста [Megret 2011:43-44]. Считается, что «суть роли арбитра, помимо выполнения роли беспристрастной третьей стороны, разрешающей споры, заключается в том, чтобы избегать отражения личных пристрастий, предвзятости и предубеждений в законе, который им поручено применять и охранять, а также не подчиняться соображениям личной или политической целесообразности» [Hernández 2012:183-207].

В известном арбитраже между Маврикием и Великобританией о морском охраняемом районе архипелага Чагос стандарт непредвзятости арбитров был сформулирован следующим образом: «Сторона, оспаривающая полномочия арбитра, должна продемонстрировать и доказать, опираясь на применимые к межгосударственным разбирательствам стандарты, наличие

²⁷ С правилами назначения арбитров (Terms of Appointment) в данном деле можно ознакомиться по адресу: Pccases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5786> (accessed date: 01.09.2025).

обоснованных сомнений в независимости и беспристрастности данного арбитра в конкретном деле»²⁸. Данный стандарт широко подтверждается межгосударственной арбитражной практикой²⁹ и, как будет показано ниже, использовался во всех случаях оспаривания полномочий арбитров в арбитражном разбирательстве между Россией и Украиной по делу о «Керченском инциденте».

Таким образом, можно говорить о существовании в доктрине консенсуса: арбитры должны отвечать определенным минимальным требованиям независимости и беспристрастности. Если же эти требования не соблюдаются, арбитры должны взять самоотвод или могут быть отведены Сторонами [Cleis 2017:183].

Право требовать отвода международных арбитров и судей в случае наличия оснований для сомнения в их непредвзятости является устоявшимся, хотя далеко не все арбитражные соглашения содержат соответствующие прямые положения [Hackworth 1943:83]³⁰. Специальное положение, посвященное отводу арбитров, было включено в Образцовые правила арбитражного процесса, разработанные в 1958 г. Комиссией международного права ООН (ст. 6; далее – КМП)³¹; согласно комментарию Секретариата КМП, это было сделано именно в целях заполнения существовавшей на тот момент

лакуны в традиционных текстах арбитражных соглашений³².

Данные правила стали во многом образчиком для последующей разработки Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву [Nordquist et. all 2002:421]. В то же время, по сравнению с документом КМП, Приложение VII было заметно сокращено. Так, в нем отсутствует положение об отводе арбитров, аналогичное ст. 6 Образцовых правил КМП. Тем не менее право затребовать отвод арбитра в связи с предвзятостью не подвергалось сомнению ни одной из сторон в рассматриваемом деле.³³ Оно также нашло отражение в разработанных ППТС факультативных правилах для межгосударственных арбитражей (ст. 12).³⁴

Отвод Д. Макрея и Р. Вольфрума. Причиной для требования об отводе данных арбитров стала публикация в сборнике Института международного права (Institut de Droit International, IDI) списка членов Института, голосовавших за принятую этой организацией 1 марта 2022 г. «Декларацию об агрессии на Украине»³⁵. В списке значились фамилии двух действующих арбитров – профессора Дональда Макрея и судьи Рюдигера Вольфрума.

Сперва российская сторона предложила Д. Макрею и Р. Вольфруму взять самоотвод. Однако оба арбитра отказались это сделать,

²⁸ "[A] party challenging an arbitrator must demonstrate and prove that, applying the standards applicable to inter-State cases, there are justifiable grounds for doubting the independence and impartiality of that arbitrator in a particular case." Chagos Marine Protected Area. Дело ППТС № 2011-03. Решение об оспаривании полномочий арбитра от 30 ноября 2011 г. Пар. 166. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1792> (accessed date: 01.09.2025).

²⁹ См.: ARA Libertad Arbitration (Argentina v. Ghana). Ст. 6(1) Правил процедуры; South China Sea Arbitration. Ст. 7(1) Правил процедуры; MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom). Ст. 6(1) Правил процедуры. См. также: Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). Reasoned Decision on Challenge. 30 November 2011. Пар. 140-151.

³⁰ См. напр.: Hackworth G.H. Digest of International Law (Washington, 1943). Vol. 6. P. 83: "In the general run of protocols and in the Hague Conventions... no provision whatever is made for challenging either arbitrators or umpires because of unfitness, personal prejudice, interest in the subject-matter, or otherwise". Цит. по: Комментарий к проекту конвенции об арбитражном процессе, принятом КМП ООН на пятой сессии. – *Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session*. UN document A/CN.4/92. P. 31.

³¹ Model Rules on Arbitral Procedure. Yearbook of the International Law Commission. 1958. Vol. II. P. 84. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/10_1_1958.pdf (accessed date: 01.09.2025). Русский текст см.: Образцовые правила арбитражного процесса. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (accessed date: 01.09.2025).

³² *Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session*. UN document A/CN.4/92. P. 32.

³³ См.: ответное письмо украинской стороны на требование об отводе Д. Макрея и Р. Вольфрума: «пытаясь оспорить своевременность и обоснованность российского требования, Украина при этом не оспаривает принципиальную возможность такого требования». URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/53144> (accessed date: 15.04.2026).

³⁴ Docs.pca-cpa.org : [сайт]. URL: https://docs.pca-cpa.org/2016/01/Optional-Rules-for-Arbitrating-Disputes-between-Two-States_1992.pdf (accessed date: 15/04/2026).

³⁵ Institute of International Law Yearbook. Vol. 83. 2022–2023. 81st Session of Angers. 2023. P. 21.

и Россия официально затребовала их исключение из состава арбитража.

Основание для отвода – прямая поддержка Декларации, носившей откровенно антироссийский характер. В документе, с текстом которого можно ознакомиться на веб-сайте IDI, Институт прямо заявил, что действия Российской Федерации якобы являются «агрессией», влекущей «ответственность по международному праву». При этом Институт проигнорировал юридическую позицию Российской Федерации о применении права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН, а также о реализации ДНР и ЛНР права на самоопределение. Институт оставил без внимания множество фактов, среди которых антиконституционный вооруженный переворот в Киеве, последовавший восьмилетний внутренний вооруженный конфликт в Донбассе, Минские соглашения, поддержанные Советом Безопасности ООН, многочисленные жертвы среди гражданского населения в результате ударов ВСУ и зверств неонацистских батальонов, тотальная блокада региона со стороны Украины, и другие ключевые обстоятельства.

Стоит учесть, что Институт ни ранее, ни впоследствии не принимал столь жестких деклараций. Даже действия нацистской Германии во время Второй мировой войны не вызвали у членов Института подобного осуждения. В заявлении по поводу американского вторжения в Ирак, скромно названном «Декларация о применении силы»³⁶, не упоминаются ни США, ни Ирак, и действия США не квалифицируются как нарушение международного права. Более того, напоминая о принципе неприменения силы, Институт «равным образом» указал, что «акты терроризма, независимо от их источника, запрещены международным правом и составляют международное преступление» – тем самым фактически оправдывая вооруженное вмешательство Вашингтона. Ни малейшей реакции Института не вызвали военные действия США и НАТО против Югославии, Ливии, Сирии. В декларации по поводу

военной операции США и Израиля против Ирана, принятой 31 марта 2026 г.³⁷, Институт не назвал эти действия «агрессией», а лишь отметил, что они «бросают вызов» (“challenge”) «основополагающим принципам... международного правопорядка, включая запрещение агрессии». При этом Институт не заявил о международной ответственности США, а напротив, обстоятельно изложил позицию Вашингтона о реализации права на самооборону, поставив Иран в положение «государства-агрессора», от которого США «принимают оборонительные меры». Одновременно Институт осудил Иран за якобы нарушения прав человека и поставил под сомнение право Ирана на ответные удары по базам США и НАТО на территориях третьих государств.

Действия Израиля в Палестине, являющиеся предметом разбирательства в Международном Суде ООН в связи с обвинениями в нарушении Конвенции о геноциде, вовсе не были прямо прокомментированы Институтом. В «Декларации о ситуации на Ближнем Востоке» от 19 ноября 2023 г.³⁸ Институт воздержался от какой-либо критики в адрес конкретных государств, ограничившись обезличенным призывом к соблюдению норм международного права.

Столь явная предвзятость Института, придерживающегося откровенно избирательного подхода в своих оценках соответствия действий государств международному праву, отражала позиции большинства его членов, проявляющих ангажированность при формулировании документов IDI и голосовании за них. В числе таких членов Института оказались арбитры Д. Макрей и Р. Вольфрум.

Примечательно, что члены Института, являвшиеся арбитрами по другому российско-украинскому спору (о прибрежных правах) – британец В. Лоу и южнокореец Ч.Х. Пайк – не стали участвовать в голосовании, прямо заявив, что это противоречило бы их статусу как арбитров. Также поступили и некоторые другие члены Института, являющиеся международными судьями, арбитрами, или адвокатами, в том числе

³⁶ Bruges Declaration on the Use of Force. September 2, 2003. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/2003_bru_en.pdf (accessed date: 15.04.2026).

³⁷ Declaration of the Institute of International Law on the Military Operation against Iran. March 31, 2026. URL: <https://www.idi-iil.org/app/uploads/2026/04/20260331-Declaration-Iran-FINAL-EN.pdf> (accessed date: 15.04.2026).

³⁸ Declaration of the Institute of International Law on the Present Situation in the Middle East. November 19, 2023. URL: <https://www.idi-iil.org/en/declaration-de-linstitut-de-droit-international-sur-la-situation-presente-au-moyen-orient/> (accessed date: 01.09.2025).

по российско-украинским делам. Часть из них сделали заявления, где прямо указали, что должны проявить осмотрительность при голосовании за подобные документы.

Неосмотрительность Д. Макрея и Р. Вольфрума в демонстрации антироссийских взглядов и сокрытии этого факта от арбитража оказалась роковой не только для их статуса как арбитров, но и для судьбы всего арбитража с их участием.

Поскольку ни Приложением VII, ни собственными правилами процедуры арбитража не был установлен порядок рассмотрения заявлений об отводе арбитров, арбитраж решением № 8 от 15 декабря 2023 г. установил для этого специальную процедуру³⁹. Вопрос о дисквалификации арбитров должен был решаться тремя оставшимися членами трибунала без участия профессора Макрея и судьи Вольфрума.

6 марта 2024 г. решением арбитража ходатайство России о дисквалификации арбитров было удовлетворено⁴⁰. Как указано в п. 101 решения, «после тщательного изучения декларации IDI и обстоятельств ее принятия, арбитраж приходит к выводу, что голосование профессора Макрея и судьи Вольфрума в поддержку декларации IDI вызывают обоснованные сомнения в их непредвзятости в данном арбитражном разбирательстве». При этом арбитраж отвел все возражения украинской стороны. Арбитр от Украины К. Гринвуд заявил о своем особом мнении⁴¹.

В своем решении арбитраж опирался на стандарт непредвзятости, установленный в указанном выше деле по архипелагу Чагос⁴². На тот же прецедент в части стандарта непредвзятости арбитров ссылались российская⁴³ и украинская⁴⁴ стороны, а также К. Гринвуд⁴⁵. Д. Макрей и Р. Вольфрум не были допущены к голосованию по решению.

Немаловажный момент с точки зрения практики: по требованию украинской стороны арбитраж рассмотрел вопрос своевременности оспа-

ривания, придя к выводу, что исходя из принципа добросовестности заявления об отводе арбитров должны подаваться своевременно, без излишней задержки. Арбитраж при этом не согласился с позицией Украины о применимости 30-дневного срока на обжалование, предусмотренного в Факультативных правилах Постоянной палаты третейского суда, отметив, что, даже если предположить знание российской стороны о факте голосования Д. Макрея и Р. Вольфрума до 1 сентября 2023 г. (как утверждала Украина), все равно шесть недель, прошедшие с этой даты до подачи Россией заявления об отводе (17 октября 2023 г.) являются разумным сроком.⁴⁶ Тем не менее данное требование необходимо брать на заметку, хотя оно релевантно и не для всех межгосударственных разбирательств (так, в Международном Суде ООН нет столь жестких ограничений на срок подачи заявлений об отводе судей).

Данное решение арбитража в целом является знаменательным: был создан **важный прецедент, закрепляющий, что публичная поддержка антироссийских заявлений несовместима со статусом независимого и беспристрастного арбитра**.

4. Существенное нарушение процедуры назначения арбитров

Наличие пробела в правилах процедуры по вопросу о назначении новых арбитров в случае отвода.

Правилами процедуры арбитража⁴⁷ (ст. 5) было предусмотрено, что процедура назначения арбитров регламентируется ст. 3 Приложения VII к Конвенции ООН 1982 г. В свою очередь, согласно подп. “d” ст. 3 Приложения VII назначение трех арбитров из пяти происходит по соглашению сторон спора. Если же в течение 60 дней после получения уведомления об инициировании разбирательства (ст. 1 Приложения VI) стороны

³⁹ Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/51176> (accessed date: 01.09.2025).

⁴⁰ Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/52784> (accessed date: 01.09.2025).

⁴¹ Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/52785> (accessed date: 01.09.2025).

⁴² См. п. 89–90 Решения по оспариванию полномочий арбитров (Decision on the Challenges).

⁴³ Statement of Challenges. para. 7; Reply. Paras. 3–5. Citing Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). PCA Case No. 2011-03. Reasoned Decision on Challenge of 30 November 2011. Para. 166.

⁴⁴ Response. P. 1–2. Citing Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). PCA Case No. 2011-03. Reasoned Decision on Challenge. 30 November 2011. Paras. 151, 166; Rejoinder. P. 2.

⁴⁵ См.: п. 2 Особого мнения судьи Гринвуда URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/52785> (accessed date: 01.09.2025).

⁴⁶ См. подп. 97–99 решения арбитража от 6 марта 2024 г.

⁴⁷ Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5785> (accessed date: 01.09.2025).

не смогли достичь договоренности о назначении одного или более членов арбитража, назначаемых по соглашению, или о назначении председателя, то оставшееся назначение или назначения по просьбе одной из сторон в споре производятся в соответствии с подп. “е” ст. 3 Председателем МТМП. Такая просьба представляется не позднее двух недель после истечения вышеуказанного 60-дневного срока. При этом согласно подп. “f” ст. 3 «[в]акантные должности заполняются в том же порядке, который установлен для первоначальных назначений».

Как указала российская сторона⁴⁸, поскольку обращение к Председателю МТМП возможно только в течение двух недель после истечения 60-дневного срока со дня уведомления о начале разбирательства (что речь именно об этом дне, а не каком-либо ином, подтверждается авторитетным Вирджинским комментарием к Конвенции ООН по морскому праву под ред. М. Нордквиста [Nordquist et. al 2002:428]), данная процедура не может быть применена – ведь со дня получения уведомления об инициировании разбирательства (1 апреля 2019 г.) прошло уже значительно более 60 дней.

Нарушение же указанного срока при назначении арбитров, согласно Вирджинскому комментарию, является основанием для прекращения арбитража. Как прямо указано в комментарии, если Председателю МТМП поступает обращение от одной из сторон о назначении арбитра, но при этом пропущены процессуальные сроки, установленные подп. “с” и “d” ст. 3 (две недели после истечения, соответственно, 30 или 60 дней со дня инициирования разбирательства), он обязан обратиться к другой стороне, и если эта другая сторона либо возразит против назначения (как сделала Российская Федерация), либо оставит обращение без ответа, «Председатель [МТМП] не сможет продолжить [назначение] и сторона, инициировавшая разбирательство, должна будет начинать процесс заново, строго соблюдая процессуальные сроки» [Nordquist et. al 2002:428-429]).

Специально на этот случай собственными правилами процедуры арбитража было предусмотрено, что «в случае самоотвода,

неспособности осуществлять функции арбитра, или смерти арбитра... вакансия будет заполнена в том же порядке, который установлен для первоначального назначения соответствующего арбитра согласно статье 3 Приложения VII к Конвенции, с тем пониманием, что сроки, установленные в указанной статье, будут исчисляться начиная с даты уведомления Сторон о самоотводе, неспособности выполнять свои функции или смерти арбитра» (ст. 6 Регламента; курсив наш. – К.К.).

Тем самым лакуна, существовавшая в Приложении VII, была заполнена специальными правилами процедуры арбитража, однако не полностью, поскольку ст. 6 не охватывала случаи дисквалификации арбитров после оспаривания их полномочий. Таким образом, пробел в правилах процедуры сохранялся именно в отношении обстоятельств, сложившихся в рассматриваемом деле. Существование этого пробела подтверждается практикой межгосударственных арбитражей, где известны случаи принятия специальных правил, заполняющих данную лакуну – включая вышеупомянутый знаковый арбитраж по архипелагу Чагос⁴⁹.

По мнению российской стороны, наличие пробела означало, что арбитраж должен самостоятельно определить процедуру назначения арбитров, задействуя предоставленное ему п. 2 ст. 1 Регламента право разрешать любой процедурный вопрос в случае, если он не урегулирован ни самим Регламентом, ни Приложением VII: “To the extent that any question of procedure is not expressly governed by these Rules or by Annex VII to the Convention or other provisions of the Convention, the question shall be decided by the Arbitral Tribunal after ascertaining the views of the Parties”. Эта возможность могла быть использована арбитражем, чтобы обеспечить максимальную нейтральность и беспристрастность новых арбитров – например, путем достижения согласия сторон с помощью более гибкого метода выбора арбитров через «открытые списки».

Украина, однако, заняла иную позицию, и со ссылкой на п. “f” ст. 3 Приложения VII заявила о возникновении у нее права обратиться к Председателю МТМП через 60 дней после отвода

⁴⁸ Письма российской стороны от 29 июня 2024 г., 9 августа 2024 г. и 6 декабря 2024 г.

⁴⁹ См.: Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). Rules of Procedure (29 March 2012). Article 7. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1567> (accessed date: 01.09.2025).

Д. Макрея и Р. Вольфрума, смешав самоотвод (withdrawal) и дисквалификацию в результате оспаривания полномочий (removal as a result of successful challenge)⁵⁰.

18 июля 2024 г. арбитраж вынес процедурное решение № 9⁵¹, в котором фактически согласился с позицией российской стороны по двум ключевым вопросам:

1) уведомление, о котором идет речь в п. “d” ст. 3 Приложения VII – это действительно уведомление об инициировании разбирательства, в данном деле полученное 1 апреля 2019 г., и, следовательно, «тот же порядок», предусмотренный п. “f” ст. 3 Приложения VII, не может включать сроки, которые начинают течь с этого момента;

2) ст. 6 собственных правил процедуры арбитража не охватывает случаи дисквалификации арбитров после успешного оспаривания их полномочий, будучи *numerus clausus* (ограниченным перечнем) и включая только случаи самоотвода, неспособности выполнять свои функции или смерти арбитра⁵².

Однако, даже выявив эту критическую лачуну в правилах процедуры, арбитраж не принял действий по ее заполнению, несмотря на наличие у него не просто полномочия, но обязанности это сделать в соответствии с п. 2 ст. 1 Регламента. Вместо этого арбитры К. Гринвуд и Г. Эйрикссон проголосовали против удовлетворения просьбы России об определении специальной процедуры назначения арбитров взамен ранее отведенных. Без объяснения причин арбитры заявили, что поставленный Россией вопрос о наличии пробела в процедуре назначения арбитров «утратил актуальность» (*become moot*)⁵³. Российский арбитр, профессор А.Н. Вылегжанин приложил к решению свое особое мнение⁵⁴.

Решение арбитража тем более вызывает удивление, что ранее этот же арбитраж уже принимал решения об определении особой процедуры ввиду пробела в правилах процедуры: именно таким

образом решился вопрос о порядке рассмотрения заявления российской стороны об отводе Д. Макрея и Р. Вольфрума.

Как было впоследствии указано в заявлении МИД России, арбитраж тем самым «отказался выполнить свою прямую обязанность, закрепленную в Правилах процедуры – определить специальный порядок назначения новых арбитров»⁵⁵.

В результате Украина в одностороннем порядке, со ссылкой на п. “f” и “e” ст. 3 Приложения VII, обратилась к Председателю МТМП с требованием назначить двух арбитров взамен Д. Макрея и Р. Вольфрума.

Назначение Председателем МТМП Томасом Хейдаром новых арбитров не соответствовало правилам процедуры.

Несмотря на многочисленные и обоснованные возражения России, 8 июля и 19 июля 2024 г. Украина направила обращения о назначении арбитров к Председателю Международного трибунала по морскому праву, которым к тому времени стал исландец Томас Хейдар, ранее голосовавший против России при рассмотрении данного дела на стадии обеспечительных мер.

8 августа 2024 г. Т. Хейдар, не проведя очных консультаций со сторонами и не отреагировав на обращения российской стороны с указанием на необоснованность украинского ходатайства, возложил на своего соотечественника Г. Эйрикссона председательство арбитража, а новыми арбитрами взамен отведенных назначил Джеймса Катеку (Танзания) и Джоанну Моссоп (Австралия).

Назначение Т. Хейдаром новых арбитров было оценено российской стороной как нарушающее два ключевых положения правил процедуры арбитража. Во-первых, Т. Хейдар не учел отсутствие основания для применения п. “e” и “f” ст. 3 Приложения VII, поскольку обращение к Председателю МТМП за назначением новых

⁵⁰ Письмо украинской стороны от 6 мая 2024 г. (цит. по: Письмо российской стороны от 6 декабря 2024 г. С. 8. URL: <https://pcasases.com/web/sendAttach/88709> (дата обращения: 01.09.2025)); письмо украинской стороны от 8 июля 2024 г. (цит. по: Процедурное решение арбитража № 9. С. 8. URL: <https://pcasases.com/web/sendAttach/58182> (accessed date: 01.09.2025)).

⁵¹ Процедурное решение арбитража № 9. URL: <https://pcasases.com/web/sendAttach/58182> (accessed date: 01.09.2025).

⁵² Процедурное решение арбитража № 9. П. 40, 44.

⁵³ Процедурное решение арбитража № 9. П. 47.

⁵⁴ Pcasases.com : [сайт]. URL: <https://pcasases.com/web/sendAttach/66628> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵⁵ Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «Керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. – *МИД РФ* : [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/ (дата обращения: 22.08.2025).

арбитров могло быть подано только в течение двух недель после истечения 60-дневного срока с момента начала арбитражного разбирательства, и этот срок давно истек, а установить новую процедуру арбитраж отказался. Как указывается в доктрине, «ничто в статье 3 Приложения VII не дает Председателю МТМП безусловного права удовлетворять ходатайства о назначении арбитра... Председатель МТМП может произвести назначение лишь при выполнении всех условий, установленных в Приложении VII» [Gao 2017:732].

Во-вторых, Т. Хейдар не провел с российской стороной консультаций, требуемых согласно п. "е" ст. 3 Приложения VII. Председатель МТМП сперва поставил заведомо нереалистичные сроки очной встречи, затем отказался от проведения встречи в сроки, предложенные российской стороной, и в одностороннем порядке заявил о проведении консультаций в письменной форме по переписке⁵⁶. Следует отметить, что письменная форма консультаций Председателя МТМП со сторонами если и применялась в межгосударственной арбитражной практике, то лишь когда одна из сторон не участвовала в арбитраже⁵⁷ [Gao 2017:745-746].

На этом основании **9 августа 2024 г. Российская Федерация заявила о нелегитимности нового состава арбитража и о приостановлении своего участия в разбирательстве**⁵⁸.

5. Предвзятость новых арбитров, назначенных председателем МТМП

Назначенные Т. Хейдаром новые арбитры также проявляли признаки предвзятости и ангажированности против Российской Федерации. Казалось бы, после столь громкого решения об отводе двух арбитров ввиду их предвзятости

против России, можно было ожидать, что новые арбитры будут назначаться с учетом необходимости обеспечить их нейтральную позицию как по отношению к России в целом, так и по отношению к конкретным обстоятельствам дела. К сожалению, этого не произошло: оба назначенных Т. Хейдаром новых арбитра имели практически те же основания для сомнений в их непредвзятости, что и ранее отведенные.

Австралийка Д. Моссоп в 2022 г. голосовала за антироссийскую декларацию Австралийского и Новозеландского Общества международного права (ANZSIL), аналогичную декларации IDI, за поддержку которой были отведены Д. Макрей и Р. Вольфрум⁵⁹. Об этом факте ни Т. Хейдар, ни сама Д. Моссоп не информировали стороны разбирательства. Однако 13 августа 2024 г. профессор Моссоп заявила о своем решении отказаться от статуса арбитра. В качестве причины был назван «конфликт интересов»⁶⁰.

28 октября 2024 г. Т. Хейдар – вновь в нарушение правил процедуры арбитража – назначил на место Д. Моссоп судью из Ямайки Кэти-Энн Браун.

Что касается Д. Катеки, он был членом IDI и принимал участие в голосовании по антироссийской декларации Института. Хотя в отличие от Д. Макрея и Р. Вольфрума, он воздержался при голосовании, однако сделал заявление, раскрывающее его принципиальную поддержку основных антироссийских тезисов декларации.

Кроме того, Д. Катек в социальных сетях распространил сообщение, квалифицирующее действия России на Украине как «неоколониализм». Наконец, как уже отмечалось, Д. Катек выступал в качестве судьи МТМП при разбирательстве ходатайства Украины о введении временных мер по данному делу, и вместе с Т. Хейдаром голосовал против Российской Федерации, в том

⁵⁶ См.: письмо Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 21 августа 2025 г. П. 64. С. 18. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/89647> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵⁷ В качестве примеров можно назвать арбитражи по Южно-Китайскому морю (Филиппины против КНР), "Arctic Sunrise" (Нидерланды против Российской Федерации) и "Duzgit Integrity" (Мальта против Сан-Томе и Принсипи). См. соотв. исследование: Gao J. Appointment of Arbitrators by the President of the ITLOS pursuant to Article 3 of Annex VII to the LOS Convention: Some Tentative Observations. – *Chinese Journal of International Law*. 2017. Par. 34. P. 745-746.

⁵⁸ С соответствующим письмом российской стороны можно ознакомиться по адресу: Pcacases.com : [сайт]. <https://pcacases.com/web/sendAttach/88705> (accessed date: 01.09.2025).

⁵⁹ Anzsil.org.au : [сайт]. URL: <https://anzsil.org.au/resources/Statement%20of%20Concern%20on%20the%20Conflict%20in%20Ukraine%20from%20Members%20and%20Supporters%20of%20the%20Australian%20and%20New%20Zealand%20Society%20of%20International%20Law.pdf> (access date: 01/09/2025).

⁶⁰ См.: письмо российской стороны от 21 августа 2025 г. С. 8.

числе по вопросам, имеющим значение для разрешения дела по существу⁶¹.

Российская сторона опротестовала назначение Д. Катеки в качестве арбитра. В письмах Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 6 сентября и 6 декабря 2024 г. подробно изложена соответствующая аргументация⁶². Воздержание Д. Катека при голосовании по декларации Института международного права, по мнению России, не означало его беспристрастности – ведь в своем сопроводительном заявлении он возразил лишь по некоторым формулировкам текста (например, предложил заменить термин «агрессия» на «применение силы»), однако в остальном согласился со всеми основными посылами декларации. Ретвит арбитром Катекой поста с явной риторикой против одной из сторон спора также не должен оцениваться как самостоятельное явление, а рассматриваться в совокупности с его выступлением по вопросу голосования за декларацию IDI.

Однако двое из трех действовавших тогда арбитров – назначенный Украиной британец К. Гринвуд, и бывший коллега Д. Катеки и Т. Хейдара по МТМП исландец Г. Эйрикссон – в решении от 11 апреля 2025 г. не поддержали отвод танзанийского арбитра⁶³.

В том, что касается стандарта непредвзятости, арбитраж вновь использовал формулу дела по архипелагу Чагос⁶⁴, однако применил ее непосредственно, проигнорировав явно выраженную политико-юридическую ангажированность Д. Катеки по отношению к событиям на Украине и действиям Российской Федерации. Российский арбитр профессор А.Н. Вылегжанин, голосовавший в пользу отвода, приложил к решению свое особое мнение, в котором указал, в частности, что «существует фундаментальная разница между простым воздержанием при голосовании и воздержанием, которое сопровождается заявлением, которое согласуется с большей частью формулировок и всем содержанием принятого

документа»; при применении стандарта беспристрастности следует учитывать не только формальные действия (как, например, акт голосования), но и фактическое выражение мнения арбитром⁶⁵.

В итоге состав арбитража складывался следующим образом:

1) все три арбитра, не назначенные сторонами, были назначены Председателем МТМП исландцем Т. Хейдаром, голосовавшим против России по данному делу на стадии временных мер, с нарушением правил процедуры и без консультаций с российской стороной;

2) председателем арбитража Т. Хейдар назначил своего соотечественника Г. Эйрикссона;

3) Два других арбитра, назначенных Т. Хейдаром – Д. Моссоп и Д. Катека – публично поддерживали антироссийские заявления, аналогичные декларации IDI, при этом Д. Моссоп была вынуждена взять самоотвод;

4) В целом пять назначенных арбитров происходили из государств Западного лагеря (Австралия, Великобритания, Исландия, Ямайка) и/или делали антироссийские заявления в контексте конфликта на Украине (Д. Моссоп, Д. Катека).

Решение арбитража по возражению Российской Федерации против назначения новых арбитров. Существенные процедурные нарушения при назначении арбитров были обжалованы российской стороной, оспорившей наличие у арбитража юрисдикции⁶⁶. Однако новый состав арбитража 29 июля 2025 г. большинством голосов отклонил российские возражения⁶⁷. Фактически новоназначенные арбитры Д. Катека и К.-Э. Браун выступили «судьями в собственном деле», проголосовав в пользу законности своего назначения и отсутствия процедурных нарушений со стороны Т. Хейдара. Их поддержали назначенный Украиной британец К. Гринвуд (ранее голосовавший против оспаривания полномочий

⁶¹ Case Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (Ukraine v. Russ.). Provisional Measures. Case No. 26. May 25, 2019. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Order_20190525.pdf (accessed date: 01.09.2025).

⁶² Pccases.com: [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/70778>; <https://pccases.com/web/sendAttach/88709> (accessed date: 01.09.2025).

⁶³ Pccases.com: [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/70802> (accessed date: 01.09.2025).

⁶⁴ См.: п. 82–83 Решения арбитража от 11 апреля 2025 г.

⁶⁵ Pccases.com: [сайт]. URL: <https://pccases.com/web/sendAttach/70803> (accessed date: 01.09.2025).

⁶⁶ С полным изложением соответствующей аргументации можно ознакомиться в письмах российской стороны от 9 августа, 6 сентября и 6 декабря 2024 г. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/229> (дата обращения: 01.09.2025).

⁶⁷ Pca-cpa.org: [сайт]. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/229/> (accessed date: 01.09.2025).

Д. Макрея и Р. Вольфрума) и председатель арбитра исландец Г. Эйрикссон (соотечественник Т. Хейдара). Российский арбитр А.Н. Вылегжанин заявил свое особое мнение, в котором обосновал несправедливость данного решения⁶⁸.

Мнение российской стороны об этом решении детально изложено в письме представителя Российской Федерации – Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина в адрес арбитража, опубликованном на веб-сайте ППТС⁶⁹.

Ключевой вывод арбитража – в случае замены арбитров после дисквалификации назначение новых арбитров автоматически осуществляется в соответствии с п. “е” ст. 3 Приложения VII, т.е. Председателем МТП. Этот вывод был сделан несмотря на существование явного пробела в ст. 3, ранее констатированного тем же арбитражем.

По мнению арбитров, голосовавших против России, предлагаемое российской стороной толкование якобы сделало бы ст. 3 (п. “f”) неэффективной. Однако нельзя не заметить, что именно толкование, данное арбитражем, лишило практического смысла всю процедуру назначения арбитров, закрепленную в ст. 3 Приложения VII, во всех случаях замены арбитров после дисквалификации, поскольку исключило применение п. “d” ст. 3, нивелируя главный способ назначения арбитров – по согласию сторон. Таким образом, назначение арбитров по согласию сторон, по мнению арбитража, вообще не должно осуществляться в ситуации назначения новых арбитров взамен дисквалифицированных, если последних назначал Председатель МТП.

При этом арбитраж вновь уклонился от очевидной возможности разрешить проблему путем заполнения лакуны в правилах процедуры установлением специальной процедуры назначения арбитров согласно п. 2 ст. 1 Регламента. Повторно, и опять без объяснения причин, арбитры объявили вопрос о наличии пробела и необходимости его заполнения «утратившим актуальность»⁷⁰.

Это необоснованное, на наш взгляд, расширение полномочий Председателя МТП, при

уклонении арбитража от выполнения своих обязанностей, не только нарушило права ответчика, но и создало новое препятствие в реализации задачи обеспечения беспристрастности и независимости международных арбитров при решении споров в рамках Конвенции ООН по морскому праву.

6. Основания для признания последующих решений арбитража недействительными

Грубые процедурные нарушения и выявленная предвзятость ряда арбитров являются основанием для признания нового состава арбитража нелегитимным, а его решений – лишенными юридической силы.

Как еще в XVII в. писал С. фон Пуфендорф в своем фундаментальном трактате “De Jure Naturae et Gentium”, опиравшемся на труды Г. Гроция и Т. Гоббса, «к заявлению о том, что нужно подчиниться решению арбитра, независимо от того, справедливо оно или нет, следует относиться скептически. Ибо как мы не можем отказаться от решения, вынесенного против нас, хотя бы мы и возлагали большие надежды на наше дело, так и его решение, конечно, не будет для нас обязательным, если совершенно очевидно, что он потворствовал другой стороне, или был подкуплен подарками от нее, или заключил соглашение, чтобы обмануть нас. Ибо кто явно склоняется к той или иной стороне, тот непригоден и дальше выступать в роли арбитра» [Pufendorf 1688:829]).

В XIX в. И. Блунчли указывал, что «решение третейского суда может быть признано недействительным: а) в случае превышения третейским судом своей компетенции; б) в случае недостаточной преданности долгу и поправки правосудия со стороны арбитров; в) если арбитры отказались заслушать стороны или нарушили любой другой основополагающий принцип процедуры; г) если арбитражное решение противоречит международному праву»⁷¹. В. Холл, перечисляя основания для «оставления без внимания» арбитражного решения, называл среди них явное превышение полномочий,

⁶⁸ Pcacases.com : [сайт]. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/82305> (accessed date: 01.09.2025).

⁶⁹ Решение арбитража от 29 июля 2025 г. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/89647> (дата обращения: 01.09.2025).

⁷⁰ Там же. Подп. 137, 140.

⁷¹ Bluntschli, Johann Kaspar. Le droit international codifié (Paris, 1886). Sect. 495. P. 289. Qtd in: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. Vol. 1. P. 55-56.

предоставленных арбитражным соглашением [Hall 1924:420].

Классики международного права XX в. подтверждали эту позицию. Р. Дженнингс называл два основания недействительности: «во-первых, то, которое вытекает из совершения юридического правонарушения, и, во-вторых, то, которое вытекает из попытки достичь законной цели вне пределов требуемого способа или процедуры или за рамками определенных пределов компетенции» [Jennings 1965:72]. Э. Лаутерпахт прямо заявлял, что «решение, вынесенное арбитром за рамками условий арбитражного соглашения... является недействительным *ab initio* и не является обязательным для сторон», подчеркивая, что данная точка зрения является преобладающей в доктрине [Lauterpacht 1965:89-90]. По мнению Лаутерпахта, основаниями для оспаривания действительности арбитражного решения являются: «явное *ultra vires*, например, решение по вопросу, который не был передан на рассмотрение в арбитраж; ошибка в толковании положений арбитражного соглашения; неприведение оснований решения; или серьезное отклонение от фундаментального правила процедуры» [Lauterpacht 1965:92]. Процедурные нарушения (*error in procedendo*) влекут недействительность арбитражного решения, когда приводят к лишению стороны разбирательства фундаментального права и нарушению ее материального интереса [Carlston 1945:38-39].

Мнение, что нарушение процедуры может «с одной стороны... дать основание для весьма серьезного сомнения, напрямую касающегося изначальной ценности судебного решения, а с другой стороны, повлечь последствия, подрывающие сам авторитет решения и его способность служить основой для урегулирования спора», высказывалось судьями Международного Суда ООН в деле Гвинеи-Биссау против Сенегала⁷². Сам Суд в своем решении указал, что аннулирование арбитражного решения допустимо в случаях, когда арбитраж действует в

явном противоречии со своей компетенцией, возложенной на него арбитражным соглашением, выходя за пределы или отказываясь от выполнения своих полномочий. Согласно решению Суда, подобное грубое нарушение возможно, когда арбитраж неверно применяет правила интерпретации положений арбитражного соглашения, регулирующих его полномочия. При этом Суд подчеркнул, что арбитраж в первую очередь должен стремиться действовать согласно прямому и обычному значению этих положений, и придерживаться условий арбитражного соглашения, которые представляют собой часть его объекта и цели, поскольку лишь на этих условиях стороны согласились уполномочить арбитраж на разрешение спора⁷³. В результате Суд базировал свое решение именно на букве арбитражного соглашения между сторонами.

В числе таких процедурных нарушений, несомненно, следует рассматривать невыполнение надлежащего порядка назначения арбитров. Международный Суд ООН в консультативном заключении о мирных договорах с Болгарией, Венгрией и Румынией подчеркнул, что арбитраж может приобрести свою «изначальную легитимность» (*initial validity*), только если «формирование его состава произошло в соответствии с волей сторон, выраженной в арбитражном соглашении»⁷⁴. В доктрине отмечают, что процедуру назначения арбитров, предусмотренную соглашением об арбитраже, не следует сбрасывать со счетов, *holus bolus*, как несущественную. ... необходимо приложить все усилия, чтобы оставаться в рамках форм, предписанных арбитражным соглашением, поскольку таковое является выражением воли сторон.

Данные принципы нашли отражение в международных договорах и их проектах, касающихся международных арбитражей. Особо следует подчеркнуть, что в этих документах зачастую прямо указывается на нарушение правил формирования арбитража как основание для отмены арбитражного решения. Так, согласно

⁷² "On the one hand, [...] give rise to a very serious doubt directly affecting the intrinsic value of a judicial decision while, on the other hand, produc[e] effects that undermine the very authority of the Award and its capacity to serve as a basis for dispute settlement." *Arbitral Award of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal)*. Judgment of 12 November 1991. Joint Dissenting Opinion of Judges Aguilar Mawdsley and Ranjeva. Пар. 7.

⁷³ *Case Concerning The Arbitral Award Of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal)* Judgment of 12 November 1991. – *I.C.J. Reports*. 1991. P. 53. С. 69-70. Подп. 47-49. См. также: *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area*, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1984. P. 266. Пар. 23.

⁷⁴ *Interpretation of Peace Treaties (second phase)*. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 1950. P. 229. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/8/008-19500718-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed date:15.04.2026).

ст. V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., решение арбитража не признается и не исполняется, если «состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон» (“The composition of the arbitral authority or the arbitral procedure was not in accordance with the agreement of the parties”). Аналогичное положение содержится в ст. 34 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. В Конвенции 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ICSID)⁷⁵ в качестве оснований для аннулирования арбитражного решения приводятся, среди прочих: если арбитраж был сформирован ненадлежащим образом; если он явно превысил свои полномочия; если имела место коррупция арбитра; если произошло серьезное отступление от существенного правила процедуры⁷⁶.

В упомянутых выше Образцовых правилах арбитражного процесса Комиссии международного права ООН среди оснований для признания арбитражного решения недействительным указаны следующие: арбитраж превысил свои полномочия (*excess of power*); имела место коррупция арбитра; и «серьезное отступление от какой-либо основополагающей процессуальной нормы» (ст. 35)⁷⁷.

Под «коррупцией арбитра» понимается «не только получение денег за вынесение определенного решения... но и вообще любые действия, которые приведут, или с высокой долей вероятности могут привести, к отходу от непредвзятости члена суда или арбитража» [Oellers-Frahm 2023:5]. Отступление от фундаментальных

правил процедуры подразумевает «пренебрежение такими принципами, как равенство сторон и принцип *audiatur et altera pars*, а также беспристрастности судей» [Oellers-Frahm 2023:5].

В целом в современной доктрине уже говорится о наличии «общего единогласия по основным причинам для аннулирования международного судебного решения» [Oellers-Frahm 2023:1]. Согласно официальным комментариям к проекту Конвенции об арбитражной процедуре КМП, «арбитражное решение, вынесенное в нарушение подобных основополагающих принципов, не является юридически обязывающим для сторон. Теория и практика всецело подтверждают, что, когда одно или более условий для действительности арбитражного решения отсутствуют, государство не обязано выполнять это решение»⁷⁸.

Как представляется, нарушение порядка назначения арбитров, предусмотренного арбитражным соглашением, приводящее к систематическому назначению арбитров, предвзятых против одной из сторон, является нарушением всех этих принципов.

Несоблюдение согласованного сторонами порядка назначения арбитров, приводящее к систематическому назначению арбитров, предвзятых против одной из сторон спора, несомненно, может рассматриваться в качестве такого фундаментального нарушения.

Как пишет Д. Тамада, превышение полномочий (*excès de pouvoir*) может иметь форму *ultra petita* (выход за пределы полномочий) и *infra petita* (отказ от выполнения полномочий) [Tamada 2018:252].

В рассматриваемом деле *отказом от выполнения полномочий*, как представляется, являлось решение арбитража по ходатайству Российской

⁷⁵ Convention on the settlement of investment disputes between States and nationals of other States. Opened for signature at Washington, on 18 March 1965. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20575/volume-575-I-8359-English.pdf> (accessed date: 15.04.2026).

⁷⁶ Хотя данные документы касаются коммерческого арбитража или государственно-частных споров и сами по себе не применяются к межгосударственным арбитражам, в данном случае их положения можно рассматривать как отражающие развитие общих принципов арбитража. Однако следует учесть, что в межгосударственных арбитражах важны прежде всего документы и практика, касающиеся межгосударственных споров: на это, в частности, обратил внимание арбитраж при рассмотрении требования об отводе арбитров в деле об архипелаге Чагос, отказавшись принимать во внимание документы, связанные с частными арбитражами, такие, как руководство IBA по конфликту интересов (см. пар. 165 решения от 30 ноября 2011 г.).

⁷⁷ Model Rules on Arbitral Procedure. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1958. Vol. II. P. 86. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/10_1_1958.pdf (accessed date: 15.04.2026). Русский текст см.: Образцовые правила арбитражного процесса. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁷⁸ См.: комментарий к статье 30 проекта Конвенции об арбитражной процедуре. Документ A/CN.4/92. С. 105. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_92.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Федерации об определении правил назначения новых арбитров взамен отведенных. Вопреки явному наличию пробела в правилах Приложения VII, арбитраж отказался выполнить свою прямо установленную регламентом функцию о заполнении таких пробелов путем определения процедуры *ad hoc*. Вместо этого арбитраж дважды, и без адекватного пояснения, объявил данный вопрос «утратившим актуальность».

Далее, *выходом за пределы полномочий* стало назначение Т. Хейдаром новых арбитров, несмотря на отсутствие у него права это делать ввиду невыполнения условий, предусмотренных Приложением VII, и подтверждение арбитражем легитимности этих назначений. Вынося такое решение, арбитры сослались на якобы нарушение строгим толкованием норм Приложения VII принципа эффективности (*effet utile*) – хотя фактическая корректность этого толкования была ранее подтверждена самим арбитражем. Однако помимо упомянутой выше абсурдности данного утверждения (ведь альтернативная интерпретация, предложенная арбитражем, «лишает эффективности» целый ряд других норм, касающихся порядка назначения арбитров), Международный Суд ООН при рассмотрении дел об обжаловании арбитражных решений в связи с невыполнением правил о назначении арбитров отводил соображения, основанные на этом принципе.

Так, в вышеупомянутом консультативном заключении о толковании мирных договоров Суд прямо указал, что «принцип интерпретации, выраженный в максиме: *Ut res magis valeat quam pereat*, часто называемый правилом эффективности, не может стать Суду оправданием для придания положениям об урегулировании споров в Мирных Договорах значение, которое, как было сказано выше, противоречило бы их букве и духу»⁷⁹. Суд заключил, что «полномочие назначить [члена Комиссии по урегулированию спора] проистекает исключительно из соглашения сторон, выраженного в положениях Договоров, посвященных разрешению споров; по самой своей природе подобное положение должно толковаться строго и может применяться лишь в прямо предусмотренных [эти

положениями] случаях»⁸⁰. Как указывал Ш. Розен, вынося это решение, Международный Суд исходил из того, что неспособность одной из сторон назначить своего арбитра не подразумевала полномочий сторонней инстанции (в том случае – Генсекретаря ООН) назначить этого арбитра, даже если эта инстанция обладала подобным полномочием в иных предусмотренных правилами процедуры случаях [Rosenne 1993:303]. Хотя в рассматриваемом деле правила процедуры, разумеется, отличаются, сохраняется общий принцип: соображения «эффективности» не могут преобладать над буквальными положениями соглашения о порядке назначения арбитров.

Согласно Вирджинскому комментарию к Конвенции ООН по морскому праву, неверное применение статьи 3 Приложения VII может дать основание для заявления о неправомерном формировании арбитража *ab initio* [Nordquist et al. 1989:429].

Как следствие, в качестве превышения полномочий следует рассматривать, по всей видимости, все решения, вынесенные арбитражем в его нелегитимном составе, начиная с решения по вопросу об оспаривании юрисдикции, и включая, разумеется, возможное эвентуальное решение по существу дела. Необходимо подчеркнуть, что все арбитры, которые могут быть назначены Т. Хейдаром в будущем в нарушение порядка, установленного Приложением VII и собственными правилами процедуры арбитража, также не будут иметь легитимного статуса.

Многочисленные нарушения, допущенные арбитражем и Председателем МТМП, дали российской стороне основание заявить, что спор будет рассматриваться «органом, сформированным нелегитимно и без участия Российской Федерации, члены которого откровенно настроены против России». Согласно заявлению МИД России, к моменту выхода Россией уже «была представлена обширная и убедительная доказательственная база юридического и фактологического характера, подтверждающая отсутствие в действиях российских органов каких-либо нарушений международного права»⁸¹.

⁷⁹ "The principle of interpretation expressed in the maxim: *Ut res magis valeat quam pereat*, often referred to as the rule of effectiveness, cannot justify the Court in attributing to the provisions for the settlement of disputes in the Peace Treaties a meaning which, as stated above, would be contrary to their letter and spirit."

⁸⁰ Interpretation of Peace Treaties (second phase). Advisory Opinion. – *I.C.J. Reports*. 1950. P. 228-229. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/8/008-19500718-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed date: 01.09.2025).

⁸¹ Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/ (дата обращения: 01.09.2025).

Высказав свою позицию, **русская сторона прекратила дальнейшее участие в процессе ввиду отсутствия у нелегитимного состава арбитража полномочий продолжать рассмотрение дела**⁸².

Впоследствии о своем выходе из арбитража объявил российский арбитр А.Н. Вылегжанин⁸³. Назначенный вместо него Т. Хейдаром (все с тем же нарушением процедуры) вьетнамский дипломат и юрист-международник Нгуен Хонг Тхао (Nguyen Hong Thao) после тщательного ознакомления с материалами дела также принял решение о сложении с себя полномочий арбитра. В настоящее время работа арбитража приостановлена до его реконституции. Однако, как было указано выше, никакие новые назначения уже не изменят сложившуюся реальность нелегитимности данного арбитража и недействительности его решений.

7. Вскрытые проблемы в процедуре урегулирования споров в рамках Конвенции ООН по морскому праву, их первопричины и возможные методы их решения

Данное дело вскрыло **существенные проблемы в процедуре формирования арбитражей по спорам в рамках Конвенции ООН по морскому праву**. Делегирование полномочий по назначению арбитров Председателю МТМП в случае отсутствия согласия сторон себя не оправдало – в сумме шестеро назначенных Председателями МТМП арбитров в данном деле оказались предвзятыми и/или происходили из антагонистичных по отношению к России государств (Д. Макрей, Р. Вольфрум, Д. Катек, Д. Моссоп, Г. Эйрикссон и К.-Э. Браун). Председатель МТМП Т. Хейдар имел гражданство Исландии – государства – члена НАТО, недружественного по отношению к Российской Федерации⁸⁴, и даже зная о причинах отвода арбитров Макрея и Вольфрума назначил арбитрами Катек и Моссоп, имевших аналогичные признаки предвзятости, а председателем арбитража выбрал своего соотечественника Г. Эйрикссона. Решение арбитража

о том, что Председатель МТМП получает автоматическое право назначать арбитров взамен отведенных, если отведенные арбитры также ранее назначались Председателем МТМП, представляет собой грубое нарушение Приложения VII к Конвенции, необоснованно расширяя полномочия Председателя МТМП и усугубляя проблему в случае его предвзятости.

Таким образом, были вскрыты **пять существенных проблем в процедуре назначения арбитров, негативно влияющих на соблюдение принципа независимости и беспристрастности**:

1) неурегулированность в Приложении VII вопроса о назначении арбитров взамен отведенных, и неготовность арбитража заполнить эту лауну путем выработки специальной процедуры. Данную проблему можно решить в будущих арбитражах путем четкой регламентации данного вопроса в правилах процедуры самого арбитража;

2) полномочия Председателя МТМП по назначению трех из пяти арбитров в случае отсутствия согласия сторон по их кандидатурам. Если Председатель МТМП оказывается предвзятым против одной стороны и в пользу другой, это означает, что **четыре арбитра из пяти** окажутся настроенными против этой стороны (трое назначенные Председателем, и один назначенный другой стороной);

3) неоправданное расширение полномочий Председателя МТМП. Трудно согласиться с решением арбитража о том, что Председатель МТМП автоматически имеет право назначать новых арбитров взамен ранее отведенных, если отведенные арбитры также были в свое время назначены Председателем МТМП. Необходимо иметь в виду обязательное условие, закрепленное в Приложении VII, о назначении арбитров по согласию сторон, когда это возможно, и задействовании Председателя МТМП только как вспомогательного механизма назначения;

4) недостаточный учет политико-географической представленности – когда в политически напряженном споре подавляющее большинство

⁸² См.: письмо Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 21 августа 2025 г. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/89647> (дата обращения: 01.09.2025).

⁸³ См.: пресс-релиз ППТС от 5 января 2026 г. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/91508> (дата обращения: 15.04.2026).

⁸⁴ См.: Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022).

арбитров составляют лица, связанные с государствами, принадлежащими к одному геополитическому лагерю, поддерживающему одну из сторон спора;

5) назначение арбитрами судей МТП, ранее уже рассматривавших данное конкретное дело и выносивших по нему решение на иной стадии разбирательства, т.е. уже имеющих сформировавшуюся позицию по многим обстоятельствам дела, в том числе, возможно, решающим для существования дела.

Данные проблемы не являются уникальными для дел с участием Российской Федерации. Как уже было сказано, феномен «юридической войны» затрагивает не только нашу страну, но и другие страны многополярного мира, проводящие суверенную политику. Государства западного лагеря активно используют органы международного правосудия для оказания давления на своих геополитических оппонентов. Ими были поданы иски в Международный Суд ООН против Ирана⁸⁵ и Республики Беларусь⁸⁶. Значительный резонанс имело разбирательство в международном арбитраже *ad hoc*, инициированное Филиппинами против КНР по вопросу о статусе Южно-Китайского моря. Тогда позицию Филиппин поддержал ряд стран Запада, в поддержку же КНР выступили страны Глобального Юга и центры силы многополярного мира, включая Россию⁸⁷. Согласно тщательно обоснованной правовой позиции, высказанной китайскими юристами, арбитраж не обладал юрисдикцией для рассмотрения данного спора⁸⁸. Отдельное внимание было уделено формированию состава арбитража, который был признан предвзятым,

нерепрезентативным и не учитывающим особенности международно-правовой практики в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁸⁹. В особенности отмечалось, что председатель МТП С. Янай, назначивший четырех из пяти арбитров, происходил из государства, исторически и политически занимавшего антикитайскую позицию по тематике Южно-Китайского моря; по мнению авторов позиционного документа КНР, это должно было повлечь его самоотвод. В результате же его действия поставили под сомнение непредвзятость арбитров и легитимность арбитража⁹⁰.

На этих основаниях КНР отказалась от участия в разбирательстве и заявила о недействительности финального арбитражного решения⁹¹.

Стоит отметить, что характерной чертой претензий Филиппин была формулировка вопроса, де-факто касающегося делимитации морских границ и государственной принадлежности морских пространств, таким образом, чтобы обойти заявление КНР об исключении подобных вопросов из обязательной юрисдикции согласно ст. 298 Конвенции ООН по морскому праву. Арбитраж пошел на поводу у филиппинской стороны и согласился с этой трактовкой, расширив тем самым свою компетенцию за пределы согласия КНР на юрисдикцию⁹². Подобная «маскировка» (camouflage) неподсудных вопросов принадлежности территорий, применения силы и т.д. под другие, с целью распространения на них юрисдикции в рамках обязательных процедур рассмотрения споров, активно применялась оппонентами Российской Федерации в Международном Суде ООН и межгосударственных арбитражах; однако российская сторона достаточно успешно

⁸⁵ Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran). URL: <https://www.icj-cij.org/case/190> (accessed date: 01.09.2025).

⁸⁶ Alleged Smuggling of Migrants (Lithuania v. Belarus). URL: <https://www.icj-cij.org/case/200> (accessed date: 01.09.2025).

⁸⁷ Путин: Россия солидарна с КНР, не признавшей решение суда по Южно-Китайскому морю. – ТАСС. 5 сентября 2016 г. URL: <http://tass.ru/politika/3595565> (дата обращения: 01.09.2025).

⁸⁸ Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines, 7 December 2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml (accessed date: 01.09.2025).

⁸⁹ Там же. Подп. 902-916. С. 624-629.

⁹⁰ Там же. П. 911. С. 627.

⁹¹ Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines, 2016-07-12. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367334.html (accessed date: 01.09.2025).

⁹² Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines, 7 December 2014. Paras. 112-124. См. также: Кошкин В. Решение международного арбитража по Южно-Китайскому морю: обзор позиций китайских экспертов. – *Международное правосудие*. № 2 (30). С. 38-39.

обороняется от этих попыток⁹³. В арбитраже по ЮКМ был применен и иной прием, характерный для современной «юридической войны»: массовое вмешательство в процесс третьих государств, выступивших в качестве якобы нейтральных «наблюдателей», а на деле поддерживающих одну из сторон спора⁹⁴; аналогичным образом страны Запада пытались оказать давление на Международный Суд ООН путем так называемой массовой интервенции в российско-украинское разбирательство по Конвенции о геноциде⁹⁵. Наряду с предвзятостью и нерепрезентативностью состава арбитража, эти средства свидетельствуют о целенаправленной политике злоупотребления судебными и арбитражными процедурами.

Первопричины и методы решения выявленных проблем. По всей видимости, возникновение этих проблем объясняется «разбалансировкой» мировой «системы сдержек и противовесов», когда с окончанием Холодной войны страны Запада решили добиваться своей гегемонии через установление «порядка, основанного на правилах», формулируемых согласно их собственным интересам.

Как указал Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров: «Сейчас ооцентричная система переживает глубокий кризис. Первопричиной стало стремление отдельных членов Организации подменить международное право и Устав ООН неким „порядком, основанным на правилах“». [Лавров 2023:72-81]. Безусловно, это касается и международного правосудия. Те структуры и институты, которые в период после Второй мировой войны, под влиянием представлений о добросовестном сотрудничестве, создавались и функционировали с опорой на баланс двух систем, подвергаются переформатированию под интересы только одного глобального игрока. В результате ими может быть утрачена нейтральность и равноудаленность, затрудняя их использование в каче-

стве инструментов разрешения международных споров или их ключевых элементов (в том числе механизмов назначения независимых и беспристрастных арбитров). На примерах МУС, ЕСПЧ и других дискредитировавших себя структур (таких, как Совет Международной организации гражданской авиации) мы видим, к чему приводит политизация – к отказу от базовых принципов правосудия.

Наделение международных институтов, подвергающихся давлению и политизации, односторонними полномочиями по назначению арбитров создает угрозу политизации межгосударственных арбитражей. Как представляется, следует вернуться к основам арбитража – добровольности и воле сторон в определении состава арбитров и правил процедуры. Необходимо увеличивать представленность в мировом пуле арбитров – специалистов из стран многополярного мира, проводящих суверенную политику, обеспечивать их назначение в арбитражи, затрагивающие права и интересы этих стран.

Принцип беспристрастности и независимости должен распространяться не только на самих арбитров, но и на призванные быть нейтральными механизмы их назначения. Иначе этот принцип выхолащивается и обесмысливается. Так, в ситуации предвзятости Председателя МТМП при назначении арбитров в рамках Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву, четверо из пяти арбитров, т.е. 80 % состава арбитража, рискуют оказаться также предвзятыми против одной из сторон (трое, назначаемые Председателем МТМП, и один, назначаемый другой стороной). Причем даже в случае успешного отвода кого-то из них, взамен Председателем будут назначены столь же ангажированные фигуры – как и произошло в российско-украинском деле с назначениями Д. Моссоп и Д. Катки после отвода Д. Макрея и Р. Вольфрума. Сходная ситуация сложилась ранее в арбитраже

⁹³ См. напр.: решение Международного Суда ООН от 2 февраля 2024 г., согласно которому были отклонены все выдвинутые Украиной обвинения в якобы нарушении Российской Федерацией Конвенции о геноциде, на основании отсутствия юрисдикции для их рассмотрения. *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Preliminary Objections, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2024. Par. 151 (2). P. 422. См. также: решения международного арбитража *ad hoc* от 22 апреля 2025 г. по российско-украинскому делу о правах прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/99649> (accessed date: 01.09.2025).

⁹⁴ Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. December 7, 2014. Подп. 916–920. С. 629–632. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml (accessed date: 01.09.2025).

⁹⁵ *ICJ-cij.org* : [сайт]. URL: <https://www.icj-cij.org/case/182/intervention> .

по Южно-Китайскому морю, где, как указывалось выше, назначение Председателем МТПП четырех из пяти арбитров имело признаки предвзятости.

Видимо, это требует пересмотра подхода к реализации арбитражной процедуры в рамках Конвенции. Необходимо заполнить лакуны, выявленные в Приложении VII. Оптимально было бы сделать это путем корректировки текста Приложения, но поскольку это потребовало бы внесения поправок в Конвенцию, данный вариант выглядит малоперспективным. Остается возможность заполнения лакун через принятие соответствующих правил процедуры арбитража. Если члены арбитража не будут согласны заполнить эти явные пробелы, это поставит под сомнение их объективность.

Далее, должна существовать возможность отвода Председателя МТПП от выполнения функции по назначению арбитров, если имеются разумные сомнения в его непредвзятости. Отсутствие соответствующего прямого положения в Приложении VII не должно исключать такую возможность, точно так же как не исключается возможность отвода арбитров, хотя она прямо и не предусмотрена Приложением VII. Кроме того, в п “е” ст. 3 Приложения VII уже заложена определенная основа под такую возможность: «Если Председатель не может предпринять действия в соответствии с настоящим подпунктом или если он является гражданином одной из сторон в споре, назначение производится следующим

по старшинству присутствующим членом Международного трибунала по морскому праву, который не является гражданином какой-либо из сторон в споре». Фразу «не может предпринять действия в соответствии с настоящим подпунктом» (“unable to act under this subparagraph”) можно интерпретировать как охватывающую ситуации предвзятости Председателя.

При отсутствии такой возможности для отвода, в ситуации, когда формирование объективного и непредвзятого состава арбитража становится невозможным ввиду предвзятости назначающего органа, а механизма обжалования решений не предусмотрено, арбитраж должен считаться утратившим свою легитимность, а его решения – не имеющими юридической силы, на основании невыполнения фундаментального требования об объективности и непредвзятости арбитров. Иначе межгосударственные арбитражи, обладающие обязательной юрисдикцией согласно ст. 287 Конвенции ООН по морскому праву, рискуют превратиться из механизма добросовестного урегулирования разногласий в инструмент «юридической войны».

Проблема «юридической войны» и связанных с ней злоупотреблений международной юстицией является универсальной. Как представляется, в интересах всех здравомыслящих государств – не допустить политизации органов международного правосудия, имеющих критическое значение для реализации принципа мирного разрешения международных споров.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е. 2016. Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 31-48.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 5-29.
3. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. 2018. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6-32.
4. Илькевич А.А. 2019. Беспристрастность арбитров как основа профессионального стандарта их деятельности. – *Вопросы российской юстиции*. № 2. С. 151-159.
5. Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах». – *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 4. С. 72-81.
6. Нешатаева Т. 2019. Международный судья: ничего личного. – *Международное правосудие*. № 1 (29). С. 23-42.
7. Ameli K. 1999. Impartiality and Independence of International Arbitrators. – *Revue de Recherche Juridique*. No. 27-28. Universite Chahid Behecti. P. 89-109.
8. Carlston K.S. 1945. Procedural Problems in International Arbitration. – *American Journal of International Law*. Vol. 39. P. 38-39.
9. Cleis M.N. 2017. *The Independence and Impartiality of ICSID Arbitrators: Current Case Law, Alternative Approaches and Improvement Suggestions*. Leiden: Brill Nijhoff. 302 p.
10. Dunoff J., Giorgetti Ch., Hamamoto Sh., Nottage L., Ratner St., Schill St., Waibel M. 2019. *Lack of Independence and Impartiality of Arbitrators*. University of Amsterdam. Uva-DARE (Digital Academic Repository). P. 1.
11. Gao J. 2017. Appointment of Arbitrators by the President of the ITLOS pursuant to Article 3 of Annex VII to the LOS Convention: Some Tentative Observations. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. № 4. P. 723-749.
12. Gleider I. Hernández. 2012. Impartiality and Bias at the International Court of Justice. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. Vol. (1) 3. P. 183-207.

13. Hackworth G.H. *Digest of international law*. Washington, D.C.: U.S. G.P.O. 1940-1944. Vol. VI (1943). P. 83.
14. Hall W.E. 1924. *A Treatise on International Law*. 8th ed. Oxford.
15. Jennings R.Y. 1965. *Nullity and Effectiveness in International Law*. Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications. Inc. P. 64-88. P. 72.
16. Khan D.-E., Zimmermann A., Tams Ch.J. 2019. *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary*. 3rd ed., OUP. P. 480.
17. Lauterpacht E. 1965. *The Legal Effect of Illegal Decisions of International Organizations*. Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications, Inc. P. 88-122. P. 89-90. P. 92.
18. Megret F. 2011. International Judges and Experts' Impartiality and the Problem of Past Declarations. – *Law and Practice of International Courts and Tribunals*. Vol. 10. No. 1. P. 31-66.
19. Nordquist M.H. et al. 1989. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary*. Vol. VI. P. 421, 428-429.
20. Oellers-Frahm K. 2023. Judicial and Arbitral Decisions, Validity and Nullity. – *Oxford Public International Law*. Oxford University Press. P. 5. Paras. 3, 10, 12.
21. Papayannis D.M. 2016. Independence, Impartiality and Neutrality in Legal Adjudication. – *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. Vol. 28. P. 33-52.
22. Pufendorf S.V. 1934. *De Jure Naturae et Gentium. Oldfather Translation*. 1688 ed. Oxford. Vol. II. Book V. Chap. XIII. Sect. 4. P. 829. Цит. по: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. V. 1. P. 106.
23. Rosenne S. 1993. The International Court of Justice and International Arbitration. – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 6. P. 297-322.
24. Tamada D. 2018. Applicability of the Excess of Power Doctrine to the ICJ and Arbitral Tribunals. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. Vol. 17. № 2. P. 251-270.
25. *nese Journal of International Law*. 2017. Vol. 16. № 4. P. 723-749.
26. Gleider I. Hernández. Impartiality and Bias at the International Court of Justice. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2012. Vol. (1) 3. P. 183-207.
27. Hackworth G.H. *Digest of international law*. Washington, D.C.: U.S. G.P.O. 1940-1944. Vol. VI (1943). P. 83.
28. Hall W.E. *A Treatise on International Law*. 8th ed. Oxford. 1924.
29. Ilkevich A.A. Bespristrastnost arbitrov kak osnova professionalnogo standarta ih deyatelnosti [Impartiality of arbitrators as a basis of professional standard of their activity]. – *Voprosy Rossijskoj justitsii [Issues of Russian Justice]*. 2019. № 2 (In Russ).
30. Jennings R.Y. *Nullity and Effectiveness in International Law*. Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications. Inc. 1965. P. 64-88.
31. Khan D.-E., Zimmermann A., Tams Ch.J. *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary*. 3rd ed., OUP. 2019. P. 480.
32. Lauterpacht E. *The Legal Effect of Illegal Decisions of International Organizations*. Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications, Inc. 1965. P. 88-122.
33. Lavrov S.V. Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv «poryadka, osnovannogo na pravilakh» [Genuine Multilateralism and Diplomacy vs the "Rules-Based Order"]. – *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. 2023. T. 21. № 4. S. 72-81. (In Russ).
34. Megret F. International Judges and Experts' Impartiality and the Problem of Past Declarations. – *Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2011. Vol. 10. No. 1. P. 31-66.
35. Neshataeva T. Mezhdunarodnyy sud'ya: nichego lichnogo [The International judge: nothing personal]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2019. Vol. 9. No.1. P. 23-42 (In Russ).
36. Nordquist M.H. et al. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary*. 1989. Vol. VI. P. 421, 428-429.
37. Oellers-Frahm K. Judicial and Arbitral Decisions, Validity and Nullity. – *Oxford Public International Law*. 2023. P. 5. Paras. 3, 10, 12.
38. Papayannis D.M. Independence, Impartiality and Neutrality in Legal Adjudication. – *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. 2016. Vol. 28. P. 33-52.
39. Pufendorf S.V. *De Jure Naturae et Gentium. Oldfather Translation*. 1688 ed. Oxford. 1934. Vol. II. Book V. Chap. XIII. Sect. 4. P. 829. Цит. по: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. V. 1. P. 106.
40. Rosenne S. The International Court of Justice and International Arbitration. – *Leiden Journal of International Law*. 1993. Vol. 6. P. 297-322.
41. Tamada D. Applicability of the Excess of Power Doctrine to the ICJ and Arbitral Tribunals. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2018. Vol. 17. № 2. P. 251-270.
42. Vylegzhanin A.N., Alfer'eva K.E. Vklad Mezhdunarodnogo Suda OON v razvitie mezhdunarodnogo ekonomieskogo prava [Contribution of the International

References

- Court of Justice to the Development of International Economic Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2016. No. 3. S. 31–48 (In Russ).
23. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychnaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2012. No. 2. S. 5–29 (In Russ).
24. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Yurisdiksiya Mezhdunarodnogo Suda OOH: nekotorye teoreticheskie voprosy [The jurisdiction of the International Court of Justice: some theoretical issues]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2018. No. 4. S. 6–32 (In Russ).

Информация об авторе**Константин Александрович КОСОРУКОВ**

Заместитель директора Правового департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация

kakosorukov@mid.ru

About the Author**Konstantin A. KOSORUKOV**

Deputy Director of Legal Department, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

kakosorukov@mid.ru